

Он помнил, как пал с Небес.

Последняя битва в руках Создателя. Столкновение с мощью Единого Зла.

Разлом!

Нестерпимая боль неполноценности.

Поражение.

И полёт на волне от взрыва Небесных Врат.

Он знал, что Враг, в конце концов, был повержен. Он засвидетельствовал падение Единого, прежде чем течения крови Ану унесли его за пределы небесной сферы, что питала его искалеченное тело знанием, и через боль утраты обрывки его сущности наполнились радостью. Но засвидетельствовал Он и то, что победителями в схватке за судьбу Творения вышли не Создатель и его родичи-серафимы, а нефалемы, пробудившие своё порочное наследие, и это наполняло его смятением.

Как такое могло произойти? Высокие Небеса пали пред своим извечным врагом и были спасены мерзкими отродьями Инария и Лилит, когда сам Империй — архангел Доблести! — оказался повержен вновь восставшим Дьябло, что собрал в себе силу всех семи великих Зол!

Безумие.

Так Он и летел, мучимый потерями и лелеющий воспоминания о прошлом.

Но это было неважно, ведь вскоре Он рухнул в пустоту, за пределами бытия.

Кто знает, сколько провёл Он в скитаниях? Для него время не имело ценности, — что в нём толку для оружия? — в пространстве же между сфер мгновения в равной степени могли быть зонами и ничем.

Иногда в его сущности рождалось желание дозваться Создателя, но оно быстро исчезало, столкнувшись со своей несостоятельностью. С теми жалкими силами, что у него остались, зову не пробиться через границы сфер существования.

Но всё имеет свойство заканчиваться, подошло к концу и его бесцельное путешествие.

Как всё, что без должного вектора исходит с Небес и из Преисподней, Он должен был прибиться к пустошам Пандемония — шраму созидания — метафизическому центру реальности.

Этого не произошло.

В какой-то момент, который совершенно прошел мимо его внимания, Он оказался на безжизненном осколке камня, блуждающего в пустоте материальной сферы. Бесконечно далеко от мест, облюбованных народом Создателя или их врагами.

Казалось, тут-то Он и проведёт остаток вечности, всеми забытый и не способный дать о себе знать, но вскоре вдалеке замаячил шанс. Он появился вместе с рассветом, когда лучи здедного светила коснулись его лезвия.

В далёкие времена, когда Он только-только был выкован в ядре угасающей звезды, выяснилось,

что у него есть свойство, незапланированное Создателем. Он мог пить суть света своего горнила и ему подобных, пока тот не слишком рассеян, и получать из этого силу. Тогда эти жалкие капли в бесконечном море его могущества сочли пустяком, почти курьёзом, и забыли.

Но теперь... теперь в этом курьёзе крылась его надежда на восстановление. На это могут уйти зоны, но, в конце концов, Он обретёт заветную мощь, чтобы подать зов.

С этого и началось. Каждый раз, когда тьму побеждал свет, Он пил его, словно смертный воду в пустыне, поглощая до тех пор, пока вновь верх не брал мрак.

Шло время, и вместе с мощью росла и область его восприятия. Через несколько тысяч восходов его ждала первая неожиданность. Выяснилось, что камень, давший ему пристанище, привязан к чему-то некой тёмной субстанцией, от которой так и разило Злом. Не злом Пылающей Преисподней, но столь же невыносимым и противным всему его существу. И Он ничего не мог с этим поделать, ведь даже имея Он больше сил, без направляющей руки его возможности были сильно ограничены.

С отвратительным соседством пришлось смириться и ждать того чудесного дня, когда свет Небес сможет очистить заразу.

Цикл сменялся циклом, и сфера ширилась, вбирая новые детали. Оказалось, что камней вокруг множество, их размеры варьировались от небольших скал до целых континентов, и всех связывала та же материя, в конечном итоге приковывая к небесному телу, частью которого они все, видимо, были когда-то.

Ещё через несколько тысяч циклов тени и света его сфера восприятия соприкоснулась с атмосферой неведомого мира, в котором, тем не менее, виделось нечто знакомое. Далёкое, почти забытое чувство... такое Он ощущал лишь в Санктуарии, когда Создатель спустился туда, чтобы судить святотатца Инария и его извращённый приплод.

То были следы нечестивых порождений Красоты и Искушения.

Нефалемов.

Вскоре у него появилось новое занятие помимо поглощения и ожидания — наблюдение за миром внизу и его обитателями.

Прежде Он не имел какого-либо интереса к этим существам. Позиция Создателя четкая и недвусмысленная: грех Инария должен быть стёрт с лика Творения. Тем не менее Совет решил иначе, поэтому Империй просто ждал, когда жизнь докажет его правоту, а вместе с ним ждал и Он, всегда готовый принести смерть тем, на кого его направит Создатель. Теперь же ему не оставалось ничего, кроме как смотреть и видеть их без прикрас.

Нефалемы оказались противоречивыми созданиями, как и следовало ожидать от слияния сути Небес и Преисподней. Он видел в них все худшие свойства демонов: ненависть, подлость, страх, похоть, садизм. Но вместе с тем, на каждый демонический изъян приходилось присущее ангелам сострадание, товарищество, справедливость, надежда... Доблесть. О, сколько Доблести!

Зачастую совершенств было даже больше, чем грехов, и это на фоне бессилия, порождённого въевшимися в души оковами, что на заре появления этого народа сотворил их падший отец. Когда мир, в котором они обитают, наполнился злобными тварями, вскормленными той же

субстанцией, что и скрепы, удерживающие на месте осколки, жаждущими их и только их плоти.

Он часто выбирал новорожденные души и следовал за ними весь их короткий век, искренне радуясь победам и печалась поражениям. Восхищаясь их доблестью, Он начинал понимать Тираэля — ведь это безумно **несправедливо**, когда такой потенциал пропадает из поколения в поколение. Должно быть, архангелу Справедливости было просто невыносимо смотреть, как часть нефалемов падает во зло только из-за того, что их хрупкие тела не справляются с трудностями существования.

Конечно, хватало и тех, в ком доминировало наследие демонов. Тех, кто с наслаждением нёс зло в мир. Но таких было немного. Очень немного.

Иногда, следя за очередным своим избранником, Он задавался вопросом, а многие ли из ангелов справились бы лучше в той или иной ситуации? Как бы они повели себя, обладая столь же капризными вместилищами духа? А столкнувшись с тем же испытанием? С тем же выбором?

О, эти проклятые сомнения! Не так ли началось падение Инария?

Кто знает...

Перелом наступил, когда очередная его избранница столкнулась с великим врагом — юная душа, меньше двух десятилетий отроду, едва миг для его древнего сознания. И эта душа должна была погибнуть, встретившись с силой далеко за пределами своих возможностей.

Но не это стало для него последней каплей. Прежде Он не раз был свидетелем подобного исхода, ведь среди нефалемов юные часто гибнут. Уж таковы правила их скорбного бытия.

Тем, что всколыхнуло всю его суть, стал сам противник. Это существо так сильно погрузилось в свою тьму, что само сделалось почти демоном, впустив чёрную бездну в собственное тело.

Он не мог этого вынести, ведь его сотворили именно для того, чтобы уничтожать подобное! Оставаться безмолвным наблюдателем и ждать, пока накопятся силы на зов, Он решительно отказывался. Он должен помочь, и какая разница, что единственный путь для осуществления задуманного несёт массу неведомых последствий!

Он — творение Доблести! Неуверенность и страх чужды самой его сути!

К тому же, возможно... только возможно, этот путь позволит ему вновь ощутить себя целым.

Впервые за своё долгое существование великий артефакт Соларион — Копьё Доблести — принял своё собственное решение.

Решение, которому было суждено изменить лик самого мироздания.

— Ты веришь в судьбу? — спросила Пирра, стоя на коленях перед своим врагом. Женщина, победившая её, была поразительно хороша собой. Пирра никогда не считала себя дурнушкой, но идеальная красота этой твари оставалась такой до сих пор, несмотря на сражение. Её

притягательное очарование, словно вычурная маска, скрывало отвратительную чёрную душу.

«Фолл — какая говорящая фамилия...»

Пирра понимала, что сейчас умрёт и никак не способна повлиять на этот итог — её оружие сломано, последние крохи ауры до дна выпиты Проявлением во время последней отчаянной попытки контратаковать, а нога пробита стрелой, из-за чего она даже не способна толком передвигаться.

Эта безумная сука Синдер Фолл стояла напротив, с презрением глядя на свою поверженную противницу. Интриганка, террористка и убийца, обрёкшая на чудовищную смерть многие тысячи, праздновала победу, уверенная в своей неприкасаемости.

И она имела на это причины. Вэйл разорен и по нему бродят стаи Гриммов. Роботы Атласа охотятся на тех, кого должны защищать. Бикон разрушен, а вокруг наполовину снесённой башни нарезает круги чудовищный дракон-гримм, словно слетевший со страниц страшной сказки. Сам директор Бикона, Озпин — величайший охотник из живущих — пал в битве, а Синдер получила желанный трофей — мифическую силу Девы Осени.

И все же Пирра отказывалась принимать поражение лежа. Хотя и сбита на колени, но с гордо поднятой головой, она с вызовом вопрошала, ибо верила, что в конечном итоге, несмотря ни на что, судьба воздаст таким как Синдер по заслугам. Пусть даже самой Пирре суждена лишь безвременная кончина в неравном бою с врагами человечества.

— Да, — произнесла Фолл, скривив губы в усмешке, и подняла лук.

Стрела сорвалась с тетивы.

Время для Пирры замедлилось. Она видела каждый микрон пути, по которому двигалась архаичная посланница смерти, летящая со скоростью мощного прахового снаряда, но изнурённое тело просто не успевало среагировать.

И все же Пирра попыталась. Мучительно медленно ладонь двинулась вверх на перехват, и...— Судьба чужда смертным, Пирра Никос, — прогрехотал гулкий голос.

Внезапно все замерло. Недвижимо застыла летящая стрела. Пылинки, поднятые в воздух битвой, замерли, переливаясь в замерзшем свете пары каким-то чудом уцелевших ламп. Не минула та же участь и саму Пирру, и Синдер, и немертвых в тёмных неподвижных небесах.

«Что это? — пораженно подумала Пирра. Она не могла шевельнуть ни одним мускулом, но её разум по-прежнему чётко фиксировал происходящее. — Что за трюк?»

В следующий миг ей показалось, будто она попала в середину неумолимого яркого зарева. Глаза не могли видеть этот свет, но его присутствие ощущалось так чётко, что в этом не было нужды. Это мягкое тепло, наполняющее усталые конечности, но в любой миг способное стать испепеляющим жаром... Это не человеческое суждение...— Внемли мне, порочный потомок Красоты и Искушения. Внемли мне, юный нефалем, ибо с тобой говорит Соларион — Копьё Доблести.

«Привет?», — растерянно попыталась ляпнуть Пирра, совершенно не понимая, как на это реагировать. Она уже была готова к смерти, но не к голосу из ниоткуда, даже после всех оживших сказок последних дней. Да и что это за сказка такая? На ум ничего не приходило.

А тем временем голос продолжал вещать.— Я увидел твою доблесть пред ликом превосходящего врага. Увидел и восхитился. Вопреки глубинной порче своего рода твои помыслы были чисты, а пламя решимости прекрасно, — грохотал назвавшийся Соларионом. В его голосе одновременно звучала пафосная возвышенность и холодная отчужденность. — Но этого оказалось недостаточно.

Если бы Пирра могла, то закусил бы губу. Недостаточно — как же верно! Она не слишком много понимала из его слов, но в этом неведомый Соларион был прав. Чудо Мистраля. Непобедимая Девушка. Охотница. Герой... а что в итоге? О, если бы только она раньше согласилась на предложение Озпина! Как бы безумно оно ни звучало, каким бы отвратительным ни казалось, но это был шанс. Шанс если и не предотвратить то безумие, которое излила на Вэйл эта сумасшедшая, то хотя бы сразиться с ней на равных! А теперь... что теперь? Она погибнет, королевство падёт, а школа, прежде выпускавшая главных защитников человечества... школа, где она встретила первых настоящих друзей, станет гнездом чудовищнейшего Гримма в известной истории? И всё потому, что она испугалась ноши?— Да, я вижу, тебе предлагали силу, — всё так же ровно произнёс голос. Словно чтение мыслей было самой естественной вещью в мире. — Твои сомнения понятны. Но что ты скажешь, если получишь такое предложение ещё раз?

«Что?» — с дрожью подумала Пирра.— Да... я могу дать тебе силу сразиться с этим врагом и даже обернуть вспять прилив чудовищ. Возьми мою силу. Защити то, что тебе дорого. Обрати Зло в бегство.

«В чем подвох?» — выдавила Пирра, уже понимая, что согласится. Она была готова на всё, чтобы победить Фолл и спасти всех... спасти Жона... Но если эта неведомая сила сделает её саму чудовищем, то лучше ей принять смерть здесь и сейчас.— Подвоха нет, — прогудел голос, и почему-то она ему сразу поверила. — Помни лишь, что я не потерплю использования силы во зло. Я — Копье Доблести, и праведная Доблесть будет твоим мерилom. Готова ли ты принять ношу сию?

«Готова!» — с надрывом вскричала Пирра, всё так же не разжимая губ.— Да будет так.

И в тот же миг свет... нет не так... Свет, что она прежде чувствовала, стал неуловимо иным. Он излился на неё, проникая сквозь кожу, нежно обволакивая каждый орган, мышцу и кость, сливаясь с самой её душой. Внезапно пальцы руки, которой она пыталась закрыться от выстрела, ощутили теплую шероховатую поверхность.— Судьба чужда смертным, Пирра Никос, — голос повторил то, с чего начал. — Но, возможно, ты способна достойно распорядиться своим выбором.

Синдер с улыбкой спустила тетиву, предвкушая, как сейчас прикончит эту назойливую девчонку. Она не ожидала, что протеже Озпина взбредет в голову отправиться в погоню. Идиотка явно возомнила о себе слишком много.

Хотя нужно было отдать ей должное, Никос дала неплохой бой, но, в конечном итоге, просто помогла ей, Синдер, освоиться с новыми силами. Хорошая девочка. Старик сдох слишком быстро и не смог этого сделать.

Внезапно её стеклянная стрела, наполненная магией Девы, разлетелась на куски, а в руке поверженной охотницы что-то блеснуло.

— Всё ещё сопротивляешься? — спросила Фолл, зло сощутив глаза.

А девчонка тем временем поднималась на ноги.

«Хо, уже справилась с раной? Неп...»

Тут Синдер услышала скрежет камня и обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть дуло снайперской косы, направленной на неё с края разрушенной башни.

Бах!

Синдер раздраженно отбила пулю, слегка сместив свой составной лук и отступила на шаг. Выстрел оказался высокого калибра и усилен гравитационным прахом.

Бах! Бах! Бах!

Теперь Фолл сочла за лучшее увернуться. Пусть её мощь велика, но привыкать подставляться под такие атаки глупо. Прощлая хозяйка этой силы отлично продемонстрировала, что подавить можно даже Деву Осени. Лучше учиться на чужих ошибках, сколь бы бесталанен ни был их источник.

— Пирра! — выкрикнула девчонка Роуз и метнулась к той красной молнией. — Ты в порядке?! — спросила она, держа Синдер на прицеле.

— Да, Руби. Спасибо за помощь, — улыбнулась Пирра и отвела руку в сторону. Вскоре откуда-то из обломков вылетел её щит.

Синдер не спешила прерывать их, с интересом разглядывая оружие, которым та защитилась. Это был золотистый короткий меч — почти кинжал — чьё широкое лезвие делилось на два пустотой посередине. Или это не меч? Излишне длинная рукоять за опасной гардой в виде солнца с острыми лучами явно обломана. Возможно, копье или алебарда?

«Забавная игрушка, но это ей не поможет», — мысленно усмехнулась Синдер.

— Давай покончим с этим вместе, но будь осторожна, Руби. Она сильна, — сказала Пирра своему неожиданному подкреплению, затем подняла перед собой щит, а меч над его краем в колющей стойке.

— Да! — воскликнула сереброглазая девчонка, отходя за спину рыжеволосой гладиаторше.

Классическая связка боец-стрелок.

Синдер презрительно усмехнулась и, лёгким движением разъединив лук на два клинка, воспарила в воздух. Пара детишек против неё — ничто. Нет! Меньше, чем ничто!

— Что ж, убью вас обеих. Чем меньше шавок Озпина будет жить, тем лучше!